

УДК 82'06

МОТИВ УХОДА НА ВОЙНУ И ВОЗВРАЩЕНИЯ ВОИНА В ПРОЗЕ В. РАСПУТИНА

В.А. Степанова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Цель статьи – анализ мотива ухода на войну и возвращения воина на примере текстов В. Распутина. В прозе писателя отмечается трансформация этого принципиально важного для прозы второй половины XX в. мотива. Война – как переход из заповедного пространства деревни в инопространство – предопределяет судьбы героев: готовность к охранению – одна из значимых характеристик мужских образов. Исполнение миссии делает возможным возвращение в сакральное пространство через обряд включения, отступление же ведет к отказу от судьбы, невозможности вернуться к патриархальному укладу.

Ключевые слова: В. Распутин, образ воина, мотив ухода на войну, мотив возвращения, обряд включения, традиционалистская проза.

Постановка проблемы. Великая Отечественная война является важной точкой координат в прозе традиционалистов, задает как временные, так и духовно-нравственные ориентиры. Выход за границы своего пространства в классических текстах В. Распутина трагичен, влечет за собой разрушение мироустройства, гибель (что характерно для традиционализма в целом): вторжение чужих или отъезд, выход за пределы родового пространства выросших детей тоже демонстрирует нарушение сакральных границ, лишает род перспективы и воспроизведения цикла жизни («Матренин двор» А. Солженицына, «Привычное дело» В. Белова, «Алька» и «Дом» Ф. Абрамова). Уход на войну напрямую связан с мессианской функцией охранения, защиты рода, соответственно, мир, покинутый воином, остается целостным («Усвятские шлемоносцы» (1977) Е. Носова, «Комиссия» (1975) С. Залыгина). В рамках данной статьи мы рассмотрим специфику мотива ухода на войну и возвращения воина в прозе В. Распутина, проанализируем трансформацию мотива.

В соответствии с целью и задачами в работе используются следующие методы: мотивного анализа, структурно-типологический, описательный и сравнительный.

Описание ухода на войну наследует традициям воинской повести, в которой подготовка воинов к походу представляет собой часть ритуального действия. Мотив упоминается уже в рассказе «Продолжение песни следует» (1966): старуха-тофаларка вспоминает, как забирали ее мужа на войну: «Зачем? – спрашивала она каждого. – Зачем война? Зачем моего мужика на войну берут? <...> Нет, ты скажи, если ты маленько умный. Зачем люди друг друга стрелять будут?» [Распутин, 1966, с. 14]. Уход на войну в рассказе воспринимается не как исполнение сакральной миссии охранения, а с позиции выхода за границы своего мира,

бессмысленной гибели. Это связано с тем, что Тофалария – отграниченное пространство, мир окрест которого – враждебен. В цикле В. Распутина «Край возле самого неба» (1966) убийство человека явлено нравственным непреложным запретом, в ситуации предполагаемого убийства снимается оппозиция «свой – чужой», человек оказывается выше этих категорий, воспринимается тофаларкой онтологически.

Иначе осмысляется уход на войну в рассказе «Василий и Василиса» (1966): Василиса провожает на войну мужа, двух сыновей и дочь Анну, война описана как опасность, но и как долг, экзистенциальные вопросы права на убийство в рассказе не ставятся. Перед лицом смертельной опасности происходит временное примирение супругов (оно символически повторится перед смертью Василия): «Василиса, – хрипло сказал Василий, – не суди меня боле – убьют, поди. Ты тут ребят... того... Василиса первая подала ему руку, Василий пожал ее и, не договорив, ушел» [Распутин, 2007, т. 1, с. 371], – мужчина не только признает свою вину, но и заботится о сохранении и продолжении рода. Он уходит со двора первым, сам закрывает за собой ворота. Позже Василиса, провожая детей, «сама открывала ворота, прижимала фартук к губам и, крестясь, смотрела, как из дворов одна за другой выезжают подводы <...> Василиса не ходила за деревню, она стояла у ворот, а потом закрывала за собой ворота, словно запиралась от новой подводы» [Распутин, 2007, т. 1, с. 371], – попытка закрыться от подводы, т.е. потенциальной смерти, восходит к обряду замыкания смерти. О. Седакова в исследовании «Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян» отмечает, что «в ходе погребального обряда должно стереться значение реального пространства кончины (дома, лавки в доме), и смерти должен быть отведен “освященный”, обрядово закрепленный участок земли. Там вместе с телом погребается и замыкается сама смерть. Если же реальное место кончины не снимается ритуальным, присутствие смерти или воплощающей ее нечисти консервируется, создается “нечистое”, “урочное”, “выморочное место”» [Седакова, 2004, с. 75].

В повести «Последний срок» (1970) уход на войну также дан глазами провожающей матери: «Илья – маленький, прибитый и одновременно возвышенный отъездом на войну, главный, уже наполовину чужой в эту последнюю минуту – подошел к матери. Она перекрестила его, и он принял ее благословение, не отказал, она хорошо помнит, что он не просто вытерпел его, жалея мать, а принял, согласился, это было у него в глазах, которые дрогнули и на миг засветились надеждой» [Распутин, 2007, т. 2, с. 182], – необычно, что отъезд на войну воспринимается как отчуждение, но принятие материнского благословения несет в себе защиту, важно, что принятие не формальное, а духовное, т.е. благословение является полноценным обрядом.

Военные проводы с точки зрения уходящего впервые представлены в повести «Живи и помни» (1974). Андрей, уже дезертировав, вспоминает: «Андрей простился со своими дома: ни к чему растягивать слезы и причитания,

а себе травить попусту душу. То, что приходится обрывать, надо обрывать сразу» [Распутин, 2007, т. 3, с. 25]. Он рвет связь с родом, обрывает сами проводы, утром, проплывая мимо родной деревни, – молчит, хотя остальные мужики будят село криками вразнобой, герой испытывает обиду и злость: «Невольная обида на все, что оставалось на месте, от чего его отрывали и за что ему предстояло воевать, долго не проходила <...> Его обидело: что же так скоро? Не успел уехать, оторваться, а уже позабыто, похоронено все, чем он был и чем собирался стать: значит, ступай и умирай, ты для нас конченный человек. Да неужели и впрямь конченный? Отказываясь, со взывавшим недобрым упрямством он вслух пообещал: – Врете: выживу. Рано хороните» [Распутин, 2007, т. 3, с. 26]. Важным аспектом является обида на родовое пространство, что усиливает отчуждение героя, ощущение себя конченным человеком для рода предвосхищает отступление от исполнения воинской миссии [Ковтун, Степанова, 2014, с. 13]. Андрей сторонится односельчан, молчит, сам церемониал прощания воспринимает как «потеху», которая является отражением слабости. То, что он как антигерой воспринимает слабостью, ненужным и бессмысленным, патриархальным героям давало силы сохранить себя и найти мужество исполнять охранительную миссию.

Говорить о трансформации мотива ухода на войну не представляется возможным, поскольку в приведенных произведениях мотив представлен с разных позиций, что может предопределять иные варианты реализации. Однако можно отметить, что общность и связь с родом дает надежду на возвращение, индивидуализм Андрея приводит к дезертирству и отказу от исполнения охранительной миссии [Ковтун, 2015, с. 234].

Сложнее организован мотив возвращения с войны. Василий («Василий и Василиса») возвращается осенью, жена, узнав о его возвращении, думает только о том, что сына Сашку убили, а отец вернулся живым, она чувствует раздражение, уходит на кухню, чтобы не участвовать в общей трапезе, велит постелить отцу в амбаре, т.е. вина Василия – «упраздненная» во время войны – вновь становится значимой. Важными элементами мотива возвращения являются общее застолье и песни. В рассказе песни воспринимаются как чужие, отделяющие мужиков от природного занятия: «Мужики пели незнакомыми, приобретенными где-то там, на войне, голосами, приобретенными и в криках “ура” и в криках о помощи, – Василисе казалось, что они собрались только для того, чтобы до конца пропеть и прокричать в себе чужие голоса, вслед за которыми должны начаться их собственные. <...> все это походило на тупую, беспокойную боль» [Распутин, 2007, т. 1, с. 372]. Песня как переходный этап включения вновь прибывшего воина в повседневную жизнь является, по сути, обрядом, неслучайно к вернувшемуся сходится вся деревня, и прежде всего воевавшие мужики, которые выполняют функцию проводников. Василию тем не менее не удастся встроиться в патриархальный уклад, он почти сразу уезжает на золотые прииски, не рассчитывая скоро вернуться, отдает сыну свои награды.

Не возвращается домой из армии и Илья («Последний срок») – он доезжает до фронта к окончанию войны, т.е. не участвует в боях, но, окончив службу, уезжает на север, откуда затем перебирается в город, окончательно теряя онтологические ориентиры и связь с землей.

В повести «Живи и помни» представлено возвращение с войны героя – Максима Вологжина – и дезертира Андрея. Гуськов не вписывается в традиционную парадигму – он отказывается от исполнения воинского долга, что делает его возвращение тайным, превращает его в оборотня, зверя, лишает перспективы продолжения рода и самой жизни. Описание встречи Максима предваряется замечанием, что он первый, кто вернулся жить, поскольку перед ним с войны отпускают Петра – умирать: «Уж и то хорошо, что могила была дома, не в чужой стороне» [Распутин, 2007, т. 3, с. 71]. В ситуации онтологической катастрофы, которой является война, сама возможность умереть в родном пространстве, а не на поле боя, воспринимается как дар – именно этот факт примиряет старуху Анну с мужем: «В его кончине старуху больше всего поразило то, что ему, побывавшему где-то возле самой войны, где смерть поголовно перешла в смертоубийство, удалось воротиться домой и в тишине и покое принять свою собственную смерть. Она нашла в этом для себя тайный знак и сразу примирилась со стариком» [Распутин, 2007, т. 2, с. 175–176]. Мирная кончина в родовых пределах актуализирует ряд оппозиций: свое – чужое пространство, обряд – ритуал (Петр умирает после Покрова, что символически значимо), жизнь – смерть.

Приезд Максима Вологжина прерывает труд: жена бросает работу с зерном (олицетворяющим зарождение жизни), да и вообще все деревенские «больше в этот день не работали» [Распутин, 2007, т. 3, с. 72] – ситуация развивается принципиально иначе, чем в рассказе «Василий и Василиса»: Василиса скрывается в доме от прибывшего мужа и находит себе работу – перебирает картошку. В повести же возвращение Максима стягивает, собирает всех людей, даже старая Семеновна встает и начинает расхаживаться, узнав о его возвращении. Центром события, конечно, становится общая трапеза – сакральное действо, в основании которого опять-таки лежит оппозиция «свой – чужой», но разделение пищи – обряд, снимающий оппозицию, включающий чужого в круг своих. В данном случае он символически означает возвращение к самому себе. За Максимом и закреплена функция проводника, героя, для которого проницаемы границы: «Впервые оттуда, с войны, с крошечной битвы, пришел человек, чтобы остаться с ними, – пришел как посыльный, как вестник от всех мужиков: скоро, бабы, скоро. Скоро все выяснится окончательно: одним рыдать, потеряв последнюю надежду, другим радоваться, а всем вместе начинать новую жизнь» [Распутин, 2007, т. 3, с. 77]. В повести – в нарушение соцреалистического канона военной прозы – проговаривается противоречие обыденной мирной жизни, того самого витального цикла, героической гибели: «– Не мог мой паразит живым остаться... Что ты на меня уставилась? Не правда, что ли? <...> Наклепал ребятишек и... смертью храбрых. А что с его храброй смертью я теперь делать буду? Их, что ли, кормить?»

[Распутин, 2007, т. 3, с. 72], – это не умаляет необходимости выполнения охранительной миссии, воинского долга, но возвращает к повседневным заботам мирной жизни, необходимым для сохранения рода.

В облике фронтовика подчеркиваются изменения: похудел, почернел, волосы острижены, рука на перевязи, – все это атрибуты чуждой жизни. Трапеза, собранная в честь встречи, неоднократно атрибутируется как поминальная: припас для встречи фронтовиков хранится в каждой семье, но у многих он идет на поминки. И радостное застолье неизбежно перекликается с похоронным: «На войну мужиков провожали – пели, а встречаем – как на похоронах» [Распутин, 2007, т. 3, с. 86]. Действительно, церемониал встречи во многом схож с погребальным и поминальным обрядами: это и оповещение односельчан, и плач, и песни, общая трапеза, неслучайно особенно заботятся вернувшиеся фронтовики о детях – именно на них и стариках лежит функция проводника между бытием и инобытием.

Возвращение с войны суть переход от инобытия к бытию, если в погребальном обряде поминки – включение умершего в мир мертвых, трапеза в честь возвращения – включение выжившего в мир живых. Для Максима Вологжина обряд совершается успешно, но уже в повести «Прощание с Матерой» (1976) автор описывает бытование, в котором не свершился ритуал перехода: «Павел подумал, что ему вообще нередко приходится вспоминать, что он живет, и подталкивать себя к жизни: после войны за долгие годы он так и не пришел в себя, и мало кто из воевавших, казалось ему, пришел. Все, что требуется, они делают – и детей рожают, и работу справляют, и солнце видят, и радуются, злятся в полную моченьку, но все как бы после своей смерти или, напротив, во второй раз, все с натугой, привычностью и терпеливой покорностью» [Распутин, 2007, т. 4, с. 218–219]. В этом же контексте осмысляется надрыв на войне в повести В.П. Астафьева «Пастух и пастушка» (1967): Борис Костяев умирает по дороге в тыл от легкого ранения, потому что не в силах справиться с душевными переживаниями.

Рассказ «Женский разговор» (1995) предельно реализует данную модель: с войны возвращается «не тот» дедушка: умирающий муж оставил завет однополчанину жениться на вдове. Семена вдова Наталья встречает чаем, устраивает на ночлег у своих родителей, воин одаривает детей сахаром, – обряд, хоть и частично, совершается. Героиня отказывается выходить замуж, вернувшийся воин оказывается включен в родовой круг через стариков и ребятишек (проводников). Состарившаяся Наталья размышляет: «И отсюда, с высокой моей горушки, кажется мне: не два мужика у меня было, а один. В одного сошлось. На войну уходил такой, а воротился не такой. Ну так а что с войны и спрашивать? Война и есть война» [Распутин, 2007, т. 4, с. 335].

Заключение. Война в произведениях В. Распутина описана как особый хронотоп, но фактически сами батальные сцены вынесены из плана повествования, возникают исключительно контекстуально, война осмысляется в контексте перехода из традиционного пространства, организованного циклом земледельческих трудов, в инопространство, однако целью выхода является исполне-

ние сакральной миссии охранения земли и рода. Тем не менее возвращение воина символически дублирует похоронный обряд, осуществляется через включение мнимо «чужого» в родовой круг. Немаловажно, что обряд включения может остаться незавершенным. Повторение данного мотива основано на оппозициях «свое – чужое», «жизнь – смерть». И если в ранних текстах оппозиция становится антиномией – чужое пространство маркировано смертью, а возвращение в свое, родовое знаменует жизнь, то в поздней прозе жизнь и смерть уравниваются, образуют синтез.

Надо сказать, что черты воина-защитника будут явлены не только в образах непосредственных участников войны. Так, в повести «Последний срок» защитником выступит Михаил – оборонит сестру от чужака-лагерника, в финальной повести «Дочь Ивана, мать Ивана» уберечь от насильника или помочь Светке не смогут ни брат, ни отец, функцию воина придется взять на себя матери – Тамаре Ивановне. Мечь, самосуд для Тамары Ивановны – охранение устоев и защита рода, однако попытка остановить насилие насилием не помогает сберечь род: пропадает брат Тамары Ивановны – Николай, Светка пугает дочку бабушкой. Оборона невозможна, остается только мстить именно потому, что родовые границы уже разрушены, чужие находятся в «своем» пространстве, которое, в свою очередь, тоже отчуждено.

Следующее поколение писателей, наследующее традиционалистской прозе, представители неотрадиционализма и «нового реализма», будут обращаться к образу воина локальных конфликтов (Афганистан, Чечня), во многом противопоставляя его образу воина-защитника: воин не несет миссию охранения и защиты, не может пройти обряд включения в разрозненное общество (например, ветеран-афганец в романе З. Прилепина «Санькя» представляется как бездельный пьяница, способный только на созерцание, не на деятельность). Воин больше не может стать освободителем, он один из толпы. Трансформация образной системы тесно взаимосвязана с пересмотром ценностных ориентиров, мировоззренческих основ, что, в свою очередь, отражает слом культурной парадигмы, наметившийся уже в 1980–1990-е гг.

Библиографический список

1. Ковтун Н.В. «Демонологический» сюжет в повести В. Распутина «Живи и помни» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 232–241.
2. Ковтун Н.В., Степанова В.А. Проблема гендерной идентификации мужских образов в творчестве В. Распутина: дуализм психически-интеллектуальных доминант // Филологический класс. 2014. № 2 (36). С. 7–14.
3. Распутин В.Г. Василий и Василиса // Собрание сочинений: в 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. Т. 1: Век живи – век люби: повести, рассказы. С. 361–390.
4. Распутин В.Г. Женский разговор // Собрание сочинений: в 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. Т. 2: Последний срок: повесть, рассказы. С. 321–337.
5. Распутин В.Г. Живи и помни // Собрание сочинений: в 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. Т. 3: Живи и помни: повесть, рассказы. С. 5–257.

6. Распутин В.Г. Продолжение песни следует // Край возле самого неба: очерки и рассказы. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1966. 64 с.
7. Распутин В.Г. Прощание с Матерой // Собрание сочинений: в 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. Т. 4: В ту же землю: повесть, рассказы. С. 5–237.
8. Распутин В.Г. Последний срок // Собрание сочинений: в 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. Т. 2: Последний срок: повесть, рассказы. С. 5–213.
9. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.

Сведения об авторе

Степанова Василина Андреевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: burivouh@mail.ru

THE MOTIVE OF GOING OFF TO WAR AND THE RETURN OF THE WARRIOR IN V. RASPUTIN'S PROSE

V.A. Stepanova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article deals with the analysis of the motive of going off to war and the return of the warrior using the example of V. Rasputin's texts. In the writer's prose, one can see a transformation of this, one of the most important in the prose of the second half of the 20th century motives. War - as a transition from the countryside sacred space to some alien expanse - predetermines the fate of the heroes: readiness to protect is one of the significant characteristics of Rasputin's male images. The fulfillment of the mission makes it possible to return to the sacred space through the ritual of inclusion, retreat leads to the rejection of fate, the impossibility of returning to the patriarchal way of life.

Key words: *V. Rasputin, the image of a warrior, the motive of going off to war, the motive of return, the rite of inclusion, traditionalist prose.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Kovtun N.V. «Demonologicheskiy» syuzhet v povesti V. Rasputina «Zhivi i pomni» // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2015. № 2. S. 232–241.
2. Kovtun N.V., Stepanova V. A. Problema gendernoj identifikacii muzhskix obrazov v tvorchestve V. Rasputina: dualizm psihicheski-intellektual'ny'x dominant // Filologicheskij klass. 2014. № 2 (36). S. 7–14.
3. Rasputin V.G. Vasilij i Vasilisa // Sobranie sochinenij: v 4 t. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2007. T. 1: Vek zhivi – vek lyubi: povesti, rasskazy`. S. 361–390.
4. Rasputin V.G. Zhenskij razgovor // Sobranie sochinenij: v 4 t. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2007. T. 2: Poslednij srok: povest`, rasskazy`. S. 321–337.
5. Rasputin V.G. Zhivi i pomni // Sobranie sochinenij: v 4 t. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2007. T. 3: Zhivi i pomni: povest`, rasskazy`. S. 5–257.
6. Rasputin V.G. Prodolzhenie pesni sleduet // Kraj vozle samogo neba: ocherki i rasskazy`. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 64 s.
7. Rasputin V.G. Proshhanie s Matyoroj // Sobranie sochinenij: v 4 t. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2007. T. 4: V tu zhe zemlyu: povest`, rasskazy`. S. 5–237.
8. Rasputin V.G. Poslednij srok // Sobranie sochinenij: v 4 t. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2007. T. 2: Poslednij srok: povest`, rasskazy`. S. 5–213.
9. Sedakova O.A. Poe'tika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochny'x i yuzhny'x slavyan. M.: Indrik, 2004. 320 s.

About the author

Vasilina A. Stepanova – candidate of philology, senior lecturer of the Department of contemporary Russian language and methodic, philological faculty, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: burivouh@mail.ru